

НА МОГИЛЕ БАТЮШКОВА В ПРИЛУКАХ

Неудачный любовник,
Городской соловей,
Папоротник и шиповник
На могиле твоей.

Твой талант — дивный корень
На глухом пустыре,
Ты не зря похоронен
В дальнем монастыре.

Так писал ты туманно,
Что не каждый поймёт,
Стих твой — рваная рана,
Перевязка и йод.

У ворот монастырских
Инвалиды стоят,

Просят деньги настырно
На закуску и яд.

Лишь случайный прохожий
Да заезжий поэт
Твой покой потревожат:
“О, коллега, привет!”

Так судьба повелела,
Отпусти и прости.
В землю спрятано тело,
Чтоб стихами цвести.

И совсем неподвластны
Пересудам толпы
Выпирают бесстрастно
Ягоды и шипы.

* * *

Меня б ты из армии не дождалась:
два года — не шутка.
И снова петляет сквозь прошлую грязь
чужая маршрутка.

Подумаешь, как это было давно, —
и в сердце заноза.
Вот так умирает в забытом кино
хорошая проза.

И бледное солнце подарит объём,
как будто в насмешку.
Мой грустный соперник смахнул королём
отставшую пешку.

И хочется как-то быстрее завершить
все эти мученья
и белыми нитками рот свой зашить
без права отмщенья.

Не зря я учился смотреть во всю ширь
на вещи реально.
За мною никто не поедет в Сибирь,
и это — нормально.

8 МАРТА В КАФЕ “СПУТНИК”

Чего со мною только ни бывало,
но я прошёл по жизни налегке.
Однажды я работал вышибалой —
охранником в районном кабаке.

Начало нулевых. Ещё стреляли.
С работой напряг и денег нет.
Я согласился, мне на смену дали
наручники, дубинку, пистолет.

Я заступил, сперва всё было чинно —
восьмое марта, девушки, цветы,
но быстро накидались их мужчины,
и начались разборки и понты.

Дебют удачный — “скорая”, ментовка,
кабак гудел и на ушах стоял,
а почему всё вышло так неловко,
я после в объяснительной писал.

Я, к счастью, там недолго продержался,
я дольше бы не выдержал, не смог.
В Москву искать признания сорвался,
поэзии приметив огонёк.

Так жизнь спасла меня от соплежуйства,
но для меня отраднее всего,
что за мои недолгие дежурства
там всё же не убили никого.

ПАЗЛ

Вечером тоскливо, я чаю вмазал
И проверку чувств произвёл на лживость.
Помнишь, мы с тобой собирали пазл,
А любовь у нас так и не сложилась.

Там была картинка, на ней — осада,
Корабли стреляли в мятежный город.
Раз любовь прошла, значит, так и надо,
Но меня терзает любовный голод.

Флаги ты собрала почти мгновенно,
Паруса возникли и мачт верхушки.
Я же возводил городские стены,
Ну, а ты на них направляла пушки.

Но сложнее всего собиралось небо —
Голубое, белое, в клочьях дыма.
Жаль, в шестое чувство я верил слепо,
И оно, как поезд, промчалось мимо.

Интерес утратила ты внезапно,
Небо я один собирал в концовке...
Чтоб убить любовь корабельным залпом,
Нужен трезвый ум и чуть-чуть сноровки.

Я кусочек неба тебе оставил,
Ты его собрала, поставив точку.
Здесь плохой читатель меня б поправил,
А хороший — деньги б швырнул на бочку.

* * *

Я уйду, ты меня не неволь,
смоет прошлое дождик московский.
“Наша жизнь — взбаламученный ноль”, —
очень точно сказал Циолковский.

Долго в прошлое смотрят глаза,
ожидая в развинченном быте
разглядеть, что скрывается за
горизонтом событий.

Это старт, это спад, это всплеск,
это встречи, разлуки, тусовки,
это сердца влюблённого треск
и его упаковки.

Как студент, проваливший зачёт,
я прошёл мимо вечного храма.
Жизнь проходит — и в этом вся драма,
а любовь никогда не пройдёт.

* * *

Она ушла, какая жалость,
Зато расстались без обид.
Любовь, как лампочка, взорвалась,
И сердце больше не болит.

С утра погода никакая,
И на окне завял цветок,
И я уже не пропускаю
Через себя смертельный ток.

Один стою на остановке,
Один ложусь по вечерам,
Стреляю монстров из винтовки,
Не доверяю докторам.

Отчаянье, а не свобода
Со мною на ночь говорит.
Но вот проходит два-три года —
И снова лампочка горит.